

У КАРТЫ ТИХОГО ОКЕАНА

Информационно-аналитический бюллетень №46 (244)

**Возможен ли мирный договор между США и КНДР?
Экспертный взгляд на решение проблемы
(По материалам круглого стола)**

Центр азиатско-тихоокеанских исследований
ИИАЭ ДВО РАН

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН продолжает выпуск информационно-аналитического бюллетеня «У карты Тихого океана».

Бюллетень издавался с 1974 по 1991 г.

Цель издания: научно-информационное обеспечение мероприятий правительства РФ и региональных властей Дальнего Востока по интеграции России в АТР.

Структура, периодичность выхода и содержание бюллетеня меняются в зависимости от насыщенности, значимости и направленности текущих событий в регионе.

Главными принципами подбора и публикации материалов в бюллетене являются:

- оперативность в освещении событий;
- достоверность информации;
- ориентация не на описание прошедших событий, а на оценку их влияния на будущее и прогноз развития ситуации;
- практическая значимость.

Бюллетень распространяется по подписке в бумажном и электронном вариантах. С электронной версией издания можно ознакомиться на сайте <http://www.ihaefe.org>

При использовании материалов бюллетеня ссылка на него обязательна.

ISSN 2304-4586 (Print)

ISSN 2304-4632 (Online)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В.Л. Ларин (главный редактор),
А.С. Ващук, А.П. Герасименко, С.Г. Коваленко, Е.Н. Чернолуцкая,
А.Е. Савченко (ответственный секретарь)

Оглавление

Предисловие	4
Мишин В.Ю. Мирный договор между США и КНДР: иллюзия или перспектива? ..	6
Толстокулаков И.А. Идеология «сонгун» как фактор внешней политики КНДР	13
Болдырев В.Е. Политика США в отношении КНДР: новые тенденции и перспективы.....	24
Иванов С.А. Как в Китае оценивают будущее отношений между США и КНДР? .	30
Симоненок А.В. Позиция стран ЮВА в отношении ситуации на Корейском полуострове	33
Дискуссия.....	36

Предисловие

23 июня 2016 г. в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН состоялся круглый стол «Возможен ли мирный договор между США и КНДР? Экспертный взгляд на решение проблемы». Организатором мероприятия выступила Лаборатория ситуационного анализа Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований ИИАЭ ДВО РАН.

Целью круглого стола стал анализ возможностей замены Соглашения о перемирии на мирный договор между США и Северной Кореей. В основном докладе, а также информационно-аналитических выступлениях был сделан экспертный анализ и прогноз возможностей заключения подобного договора, а также его последствий в контексте тенденций региональной ситуации в СВА.

Кроме сотрудников ЦАТИ ИИАЭ ДВО РАН в работе приняли участие руководство Представительства МИД РФ в г. Владивостоке, сотрудники аппарата Генерального консульства Республики Корея, учёные-корееведы, эксперты МГУ им. Невельского, представители СМИ.

В состоявшейся дискуссии участники и гости «круглого стола» подтвердили важность исследуемой темы, дополнили научные доклады ценными и конструктивными предложениями.

Тексты докладов представлены в авторской редакции, стенограмма дискуссии приведена в сокращённом варианте.

Модератор круглого стола В.Л. Ларин,
д-р ист. наук, профессор, директор Института
истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН

В.Л.Ларин: Сегодняшний «круглый стол» планировался давно, но так совпало, что буквально вчера КНДР провела очередные ракетные испытания. Тема, которая поставлена во главу угла, связана с некоторыми новыми особенностями политики США в отношении Северной Кореи. О возможности соглашения между этими странами, к которому стремится Пхеньян, говорится уже давно. Сейчас проявляются тенденции, незначительные, но порождающие подозрения, что американо-северокорейская договорённость может быть заключена. Конечно, путь от первых признаков, что такая возможность существует, до практической реализации очень длинный. Особенно это касается Северной Кореи. Но мы живём в таком мире, в котором подчас невозможное в один день превращается в реальность. Предлагаю обсудить складывающуюся ситуацию, неоднозначный геополитический расклад. Особенно это актуально ввиду грядущей смены руководства с США. И если Х. Клинтон, как политик и глава государства, более предсказуема, то поведение Д. Трампа, чью победу на президентских выборах исключать нельзя, трудно прогнозируемо.

Мирный договор между США и КНДР: иллюзия или перспектива?

Валерий Юрьевич Мишин,
заведующий Лабораторией ситуационного
анализа Центра азиатско-тихоокеанских
исследований ИИАЭ ДВО РАН

Представленная тема круглого стола вызывает у отдельных экспертов некоторый скепсис в отношении её актуальности и целесообразности. Мы не будем втягиваться в бесплодную полемику, заметив лишь, что проблемы Корейского полуострова всегда находятся в центре внимания мирового политического и интеллектуального сообщества.

Востребованность постоянного мониторинга американо-северокорейского военно-политического «маятника» несомненна, а составляющая этого мониторинга — информационно-аналитическое сопровождение стратегических потребностей государственных инстанций, начиная с администрации Президента России, Совета Безопасности и заканчивая научными структурами РАН, — одна из основных задач вновь созданного ЦАТИ.

Историография исследуемой темы отсылает нас к Корейской войне 1950—1953 гг., попытки подвести итоги которой ведутся уже более полувека. Напомним, что конец боевым действиям на Корейском полуострове положило соглашение о перемирии, заключённое 27 июля 1953 г. Со стороны КНДР его подписали генерал КНА Нам Иль (в Пханмунчжоме), маршал Ким Ир Сен (в Пхеньяне); со стороны китайских народных добровольцев — маршал Пэн Дэхуай; со стороны коалиционных сил ООН — генерал-лейтенант армии США Уильям Гаррисон (в Пханмунчжоме), позднее — генерал армии США Марк Уэйн Кларк (на базе войск ООН около г. Мусан). Представитель Южной Кореи — генерал Цой Док Син — присутствовал на церемонии, однако ставить свою подпись отказался.

Подписи указанных лиц стали козырем в руках КНДР, который Пхеньян вот уже шесть десятков лет пытается разыграть, преследуя свои интересы.

Северокорейская сторона настаивает, что главными акторами в переговорном процессе по замене соглашения на мирный договор должны являться стороны-подписанты. Это не устраивает Вашингтон и тревожит Сеул. Америка отказывается брать на себя любую юридическую и морально-материальную ответственность за последствия войны и на всех уровнях заявляет: её генералы поставили свои подписи от имени не правительства США, а ООН. Китай по сей день придерживается позиции, что участие в Корейской войне принимали не регулярные части НОАК, а добровольцы, и одновременно настороженно относится

к инициативе КНДР о мирном договоре с США. Республика Корея вообще находится в неопределённом положении: её первый президент Ли Сын Ман был категорически против перемирия и, желая продолжения войны до полного уничтожения Севера, отказывался подписывать какие-либо документы с мирными инициативами. Этим воспользовались в Пхеньяне, заявив, что раз Пекин и Сеул выпадают из процесса, то мирный договор должны заключать только КНДР и США. Последующие южнокорейские руководители поняли ошибку Ли Сын Мана и встревожились, поскольку Вашингтон и КНДР могли договориться в обход Сеула, а это сделало бы положение Южной Кореи как союзника Соединённых Штатов более чем неопределённым. В РК начали настаивать, что заключение мира на Корейском полуострове — вопрос сугубо национальный и главными участниками договорного процесса должны стать только две корейские стороны.

В декабре 1991 г. главы правительств КНДР и РК подписали Соглашение о примирении, ненападении, обмене и сотрудничестве. Стороны обязались прилагать усилия к созданию механизма перехода от перемирия к миру, а в переходный период — соблюдать действующие договорённости. Таким образом, государства Корейского полуострова де-факто признали друг друга сторонами соглашения от 1953 г. Казалось бы, дело начало сдвигаться с мёртвой точки. Но не тут-то было — прорыв не состоялся. Правительство Ким Ир Сена, а затем и Ким Чен Ира заявило, что КНДР не признает РК де-юре, поэтому при заключении мира на полуострове Южная Корея не может выступать как международно-правовой фигурант. Несмотря на воинственную и резкую антиамериканскую пропаганду, предназначенную для рабочих и крестьян, северокорейский режим дал отчётливо понять: его внешнеполитическим идеалом является признание только Вашингтоном. В перспективах двухсторонних договорённостей с США режим и сейчас видит гарантию своего выживания.

В последние годы такая стратегия для Пхеньяна стала первичной, а межкорейский диалог — вторичным, а не наоборот, как считают некоторые сторонники объединения двух Корей.

Отметим, что КНДР не только сегодня пытается найти точки соприкосновения с Соединёнными Штатами. У этого процесса есть своя история. Через три года после окончания Корейской войны, 28 апреля 1956 г., Пхеньян предложил Вашингтону заключить мир, а в марте 1974 г. уже официально потребовал от американского парламента подписать двухсторонний договор.

В 1991 г. КНДР вступила в ООН, после чего руководство страны стало предпринимать шаги по нормализации отношений с США как в рамках многосторонних переговоров, так и на двухсторонней основе. В период президентства Б. Клинтона Пхеньян и Вашингтон были близки к налаживанию отношений.

В октябре 1994 г. в Женеве КНДР и Соединённые Штаты подписали Рамочное соглашение по урегулированию северокорейской ядерной проблемы, которое предоставляло возможность разрешения кризиса. Оба государства пошли на компромисс. Пхеньян был готов отказаться от плутониевых исследований, возвратиться в Договор о нераспространении ядерного оружия. США взяли на себя обязательство построить в Северной Корее два легководных ядерных реактора. Страны объявили о желании продвигаться к установлению дипломатических отношений. В контексте этих намерений первый заместитель председателя Госкомитета обороны КНДР вице-маршал КНА Чо Мен Рок в июне 2000 г. посетил Вашингтон, где встречался с президентом Б. Клинтоном и другими высокопоставленными американскими политиками. В октябре 2000 г. госсекретарь США М. Олбрайт побывала в Пхеньяне и провела пятичасовые переговоры с Ким Чен Иром.

Администрация Дж. Буша (младшего), пришедшая в Белый дом в январе 2001 г., отвергла договорённости с Пхеньяном, достигнутые предшественниками, отказалась выполнять Женевское соглашение 1994 г. и взяла жёсткий антисеверокорейский военно-политический курс. Отношения двух стран резко ухудшились. КНДР объявила о выходе из ДНЯО, заявила об обладании ядерным оружием и произвела в октябре 2006 г. испытания ядерного устройства.

В этих условиях Вашингтон был вынужден присоединиться к шестисторонним переговорам, которые привели к определённому прогрессу в разрешении ядерной проблемы Корейского полуострова. Пхеньян начал процесс вывода из строя своих ядерных объектов в Нёнбене, предоставил информацию о разработках, однако ни одной из сторон не удалось договориться о методике осуществления верификации северокорейского ядерного досье.

Администрация США также пошла на ряд компромиссов. КНДР исключили из американского списка стран-спонсоров международного терроризма. Было отменено действие Закона о торговле с враждебными государствами, в Северную Корею начались поставки продовольствия.

Запуск в КНДР 5 апреля 2009 г. баллистической ракеты дальнего радиуса действия, реакция на это СБ ООН, повлекшая выход Пхеньяна из шестисторонних переговоров и высылку из ядерного центра в Нёнбене инспекторов МАГАТЭ, возобновление военной ядерной программы КНДР вызвали новую эскалацию напряжённости на полуострове и отложили американо-северокорейские мирные переговоры на неопределённый срок. Пхеньян преследовал главную цель — принудить новую администрацию Б. Обамы к установлению прямого диалога и с его помощью достичь компромиссных решений по своей ракетно-ядерной программе, заручиться гарантиями безопасности правящего режима и нормализации отношений.

Очередную попытку договориться с США официальный Пхеньян предпринял на 70-й сессии Генеральной ассамблеи ООН. 2 октября 2015 г. глава МИД КНДР Ли Су Ён, выступая на общеполитической дискуссии, предложил Соединённым Штатам подписать двухсторонний мирный договор. В частности, было заявлено о готовности правительства КНДР начать конструктивный диалог в целях предотвращения войн и конфликтов на Корейском полуострове, как только Америка согласится заменить соглашение о перемирии мирным договором. Ли Су Ён назвал это предложение лучшим вариантом, который Пхеньян может себе позволить. Ответ американской стороны был изложен в пресс-релизе Госдепартамента США: Вашингтон ясно дал понять, что основой любого подобного обсуждения должна быть исключительно денуклеаризация Северной Кореи, то есть категорично ответил КНДР «нет». Но насколько эта категоричность окончательна? Здесь есть мотивация для рассуждений.

Полагаем, что в среднесрочной перспективе уже новое руководство Соединённых Штатов параллельно с официальным политическим курсом по отношению к Пхеньяну может применить возможности и механизмы дипломатии «второй дорожки». Мы исходим из того, что на протяжении всего срока президентства Б. Обамы он и его администрация занимали позицию «стратегического выжидания», смысл которой сводился к постоянному давлению на КНДР в вопросе соблюдения прав человека и изоляции республики при помощи жёстких санкций. В расчёты Вашингтона входила и военная компонента, заключающаяся в милитаризации Юга полуострова и втягивании Севера в опустошительную для последнего гонку вооружений. Однако вопреки ожиданиям, коллапса северокорейского режима не произошло, более того, он нарастил и усовершенствовал ракетно-ядерный потенциал, одновременно продекларировал, что готов к вовлечению в мировую экономическую интеграцию и заинтересован в этом. По всей видимости, США придётся выработать другую тактику в отношении КНДР и искать подходы к её современному руководству, используя в том числе «мягкую силу». Кстати, дипломатия «второй дорожки» в американо-северокорейских отношениях использовалась и ранее. Контакты Вашингтона и Пхеньяна не прекращались даже в критические для двух стран периоды. Не стал исключением и приход к власти Ким Чен Ына. Через два месяца после смерти Ким Чен Ира, 23—24 февраля 2012 г., прошли закрытые американо-северокорейские переговоры на высоком уровне. Делегацию КНДР возглавлял первый заместитель министра иностранных дел Ким Ге Гван, а американскую — особый представитель Государственного департамента по вопросам северокорейской политики Глин Дэвис. Встреча проходила на виду у «китайских друзей» — в посольстве США в Пекине. Итоги переговоров не афишировались, однако информация, просочившаяся из некоторых источников, свидетельствовала: обе стороны

продемонстрировали готовность к диалогу и выразили желание нормализовать и развивать свои отношения. Правда, эти договорённости так и остались на бумаге, т.к. на Б. Обаму надавили «ястребы» из Пентагона и Государственного департамента, а КНДР запустила ракету «Кванмёнсон-3».

Недавние события содержат некоторые обнадеживающие моменты. В этом году официальные представители КНДР во главе с заместителем директора североамериканского департамента МИД Чхве Сон Хи после долгого перерыва согласились принять участие в XXVI Диалоге по сотрудничеству в Северо-Восточной Азии в Пекине. Этот ежегодный форум, касающийся проблем региональной безопасности, собирает представителей правительств и научных кругов стран-участниц шестисторонних переговоров по северокорейскому ядерному досье. Его организаторами являются Институт глобальных конфликтов и безопасности при Калифорнийском университете и Институт международных исследований Китая. Предусматривается неформальный диалог государственных чиновников высокого ранга и представителей международного академического сообщества, заинтересованных в решении ядерной проблемы Пхеньяна. Эксперты полагают, что диалог будет сложным, однако то, что в нём принимает участие северокорейская сторона, — уже прогресс, т.к. с 2012 по 2015 г. КНДР игнорировала данный форум.

Возвращаясь к теме американо-северокорейского диалога, касающегося мирного договора, полагаем, что неофициальные контакты между Пхеньяном и Вашингтоном будут иметь место и при новом президенте США, кто бы им ни стал. И дело даже не в словах республиканца Д. Трампа, что у него «не было бы никаких проблем насчёт того, чтобы поговорить с Ким Чен Ыном», и не в заявлении кандидата от демократов Х. Клинтон, готовой в случае своего избрания «внести коррективы во внешнюю политику и использовать вариант решения „иранской ядерной проблемы“ в отношении КНДР». Предвыборные речи не являются индикатором изменения отношения к северокорейскому коммунистическому режиму. Всё гораздо проще. Соединённым Штатам Северная Корея может понадобиться в далеко идущих планах по сдерживанию Китая в СВА. Не исключаем, что на этом пути Вашингтон на какое-то время может даже отступить от антисеверокорейского партнёрства с Сеулом. Главная цель США — однополярное доминирование в СВА в противовес Китаю, и здесь они могут пойти на видимость сделки даже с коммунистами Северной Кореи. Что касается Пхеньяна, то он в этом пасьянсе не прочь традиционно «поиграть» на американо-китайских противоречиях и пошантажировать Пекин, чтобы тот был более сговорчивым и щедрым.

Исходя из изложенного, с учётом современных реалий, считаем, что заключения мирного договора между США и КНДР ни сегодня, ни в

среднесрочный период не предвидится. Тем не менее, предположительно, в перспективе (при определённых обстоятельствах) такой договор или одноимённый вид соглашения могут быть подписаны. В настоящее время в руководстве КНДР стали понимать, что в условиях длительного санкционного режима и без достижения компромисса с Вашингтоном решить вопрос о будущем страны и избежать краха не удастся. Но согласится ли Пхеньян пожертвовать ракетно-ядерной программой? Говорить об этом сложно. От экспертного сообщества мы можем услышать, что отказ от ядерных испытаний и сокращение ракетного потенциала со стороны кимченыховского режима никогда не станут предметом торга. Однако предлагаем не торопиться с прогнозами. Для современного Пхеньяна подобное решение неприемлемо, но не исключено, что в правительстве КНДР всё же есть, или вскоре появятся, более адекватные люди.

На чём в перспективе будет основываться заинтересованность США? В определённой степени наш сценарий алармический. На первом этапе мирный договор может стать инструментом для сведения на нет воинственного пыла режима, затем — избавления от кимовского семейного клана, приведения к власти молодых северокарекайских олигархов, ликвидации запасов ОМУ, объединения полуострова в некую Конфедерацию и — в итоге — создания на стыке границ мощного военно-стратегического кулака в противовес Китаю и России.

Если подобные рассуждения имеют право на жизнь, то справедливым является вопрос: нужен ли при таком сценарии мирный договор между США и КНДР? Как гарантия мира на Карейском полуострове и всеобщей безопасности, безусловно, он нужен и является чаянием всего мирового сообщества. Но только если это не будет сделка в обход интересов других соседних государств. Как сговор такое соглашение может стать не только бесполезным, но и опасным. Подобное миротворчество не в интересах Пекина и Москвы. На наш взгляд, со стороны РФ и КНР могли бы стать полезными и взаимовыгодными следующие альтернативы:

- позитивное давление на руководство КНДР в целях восстановления переговорного процесса по безъядерному статусу Карейского полуострова;
- гарантии Пекина и Москвы ослабить, а затем снять экономические санкции в обмен на отказ Пхеньяна от ракетно-ядерного шантажа и присоединение к Договору о нераспространении ОМУ;
- признание Ким Чен Ына не только преемником, а полноценным государственным лидером КНДР и начало конструктивного диалога с ним на площадке Пекина или Москвы, но непременно совместно.

Перечеркнуть все инициативы может избыточная военная реакция США, РК и Японии на провокации Пхеньяна, ответная вспышка агрессии со стороны Севера, массированное применение всех видов вооружений (включая ОМУ) и уничтожение

Корейского полуострова как географической единицы, что повлечёт за собой коллапс архитектуры безопасности АТР. Но такой исход не привлекает ни одну из заинтересованных сторон, поэтому в идеале мирный договор, если всё-таки его когда-нибудь заключат, должен быть и щитом, и гарантией мирного существования не только США и Северной Кореи, но и всех государств региона.

По содержанию представленного доклада может показаться, что мы не ответили на главный вопрос заявленной темы. Собственно, мы к однозначности и не стремились, понимая, что реальность заключения мира между США и КНДР на сегодняшний день иллюзорна. Тем не менее в своём прогнозе мы оставляем возможность положительного решения данной проблемы.

Что касается ближайшей перспективы, то не исключаем начала соперничества двух мировых гигантов — США и КНР — по перетягиванию с разными целями северокорейского «одеяла». Позиция России должна оставаться на сегодняшнем выгодном уровне статус-кво без повторения прежних ошибок по отторжению Северной Кореи в угоду отношениям с другими региональными партнёрами.

Идеология «сонгун» как фактор внешней политики КНДР

Игорь Анатольевич Толстокулаков,

заведующий Отделом изучения Японии и Кореи ЦАТИ

ИИАЭ ДВО РАН

Внутриполитическая стабильность и устойчивость северокорейского режима определяется, прежде всего, прочной идеологической базой, формирование которой началось в 1940–50-х гг., когда социалистическая Корея напрямую копировала советские образцы. Вплоть до второй половины 1990-х гг. идеология КНДР определялась общим политическим курсом Трудовой партии Кореи (ТПК) и опиралась на следующие принципы: партийность, приверженность идеалам социализма и коммунизма, приоритет интересов пролетарских слоев общества. Разумеется, все эти компоненты идеологической системы Северной Кореи нуждаются в определении «чучхейский»: чучхейский социализм, чучхейская партия и т.д.

На протяжении всей истории социалистической Кореи главной задачей общества и государства оставалось поддержание культа партийно-государственного руководства и обоснование идей *чучхе* как официальной идеологической доктрины КНДР. Идеология *чучхе* сочетает в себе основные принципы марксизма-ленинизма и традиционного дальневосточного национализма, в том числе культ личности руководителя. И в сегодняшней КНДР идеологию продолжают воспринимать как основу общества, определяющую повседневную практику социалистического строительства в духе *чучхе*, в том числе и вопросы внутренней и внешней политики.

Полагаем, что именно в этой плоскости и следует искать ответ на вопрос, определяющий тему сегодняшнего «круглого стола». Иными словами, мы попытаемся понять, насколько идея заключить мирный договор между Вашингтоном и Пхеньяном соответствует чучхейской идеологии и её современной интерпретации в духе *сонгун*. Сразу оговоримся, что к однозначному ответу мы не придём; скорее опишем сценарии развития.

Напомним, что индоктринация чучхе связана с началом соперничества за власть, развернувшегося в КНДР во второй половине 1950-х гг. и открывшего Ким Ир Сёну путь к абсолютной власти. С этого времени в стране ведётся интенсивная пропаганда «собственных» идейных и моральных ценностей и духе чучхе,

направленная на установление культа личности руководителя и освобождение от иностранного влияния в области политики и идеологии. Критическая переработка китайского опыта становится вторым принципом формирования внешней и внутренней политики Северной Кореи. Отказавшись от слепого копирования внутри- и внешнеполитического опыта двух социалистических держав – СССР и КНР, Пхеньян достаточно успешно реализовывал политику тактического маневра между интересами Пекина и Москвы. Лавирование между интересами сверхдержав (или более сильных соседей) и сегодня остается важным компонентом внешнеполитического курса КНДР.

У нас нет задачи анализировать *чучхе*, поэтому перейдём сразу к идеям *сонгун*. Первый шаг к ним был сделан во второй половине 1980-х гг., когда началось усиленное насаждение культа личности второго вождя социалистической Кореи – «любимого руководителя» Ким Чен Ира. Постепенно на смену идеям «великого вождя» Ким Ир Сена выдвигались убеждения, сформулированные его наследником. С точки зрения идейного содержания, *кимджонильджуи* / «кимчениризм» – это те же чучхейские постулаты, но в модернизированной, смягчённой форме, адаптированной к современным внутренним и внешним проблемам КНДР, признающей необходимость ограниченных социально-экономических преобразований, но не допускающей никакого «реформирования» идейно-политической системы.

Современная идеология КНДР является достаточно сложной системой, в которой можно проследить традиционные (конфуцианские) воззрения и ценности и официальный марксистско-ленинский пласт, интерпретированный через призму националистической концепции чучхе.

В соответствии со статьей 3 Конституции КНДР идеологической основой общества и государства являются идеи чучхе: «КНДР руководствуется в своей деятельности идеями чучхе – мировоззрением, в центре которого человек с революционными идеями, нацеленными на осуществление самостоятельности народных масс»¹. На протяжении нескольких десятилетий идеи чучхе определялись как «официальная идеология Трудовой партии Кореи, основанная на творческом применении марксизма-ленинизма к реальным условиям КНДР»².

В настоящее время содержание *чучхе* окончательно освободилось от марксистско-ленинского контекста, в связи с этим на прошедшем съезде ТПК само это слово звучало очень редко, намного чаще использовался термин *кимильсонджуи* / «кимирсенизм» и *кимчонильджуи* / «кимчениризм». Ни Маркс,

¹ Сахведжуиджок Чосон Минджуджый Инмин Конхвагук хонпоп. Чучхе 87 (1998) нён 9воль 5иль (Социалистическая Конституция Корейской Народно-Демократической Республики. 5 сентября 1998 г. (87 год чучхе)) // Нодон синмун. 1998. 6 сентября.

² Ким Чен Ир. Чучхе саснъэ тэхэсо (Об идеях чучхе). – Пхеньян: Кыллоджа, 1982. – С. 14.

ни Ленин современной КНДР не нужны, у них два собственных выдающихся теоретика...

Современная северокорейская идеология объявлена «национальным мировоззрением, центральное место в котором отводится человеку и революционным идеям, нацеленным на пробуждение самостоятельности и творчества народных масс». За этим определением скрывается стремление северокорейского руководства превратить КНДР в «социалистическое государство, основанное на национальных традициях, независимое в политике, самостоятельное в экономике, способное к самообороне и призванное служить интересам народных масс»³.

Северокорейская идеология преломила трактовку дефиниции чучхе, она обогатилась новыми представлениями о роли народных масс в истории и зазвучала, как «человек является хозяином всего [сущего на земле]». Сначала она подавалась в качестве обоснования права КНДР следовать самостоятельным политическим курсом, не оглядываясь на пример Советского Союза или Китая. Такая самостийность должна была помочь социалистической Корее построить самостоятельную экономическую, политико-идеологическую, культурную и оборонную систему, способную решать все проблемы в духе «опоры на собственные силы».

С конца 1960-х гг. важное место в чучхейской доктрине заняли идеи об особой роли Ким Ир Сена в корейской революции и построении социализма в КНДР. 16 декабря 1967 г. идеи чучхе были приняты Верховным народным собранием КНДР как единственная идеологическая основа государства и общества. Впоследствии это было закреплено в Конституции КНДР 1972 г. С этого момента ведущим положением чучхейской идеологии становится определение особой корейской сущности, построенной в КНДР социалистической системы.

В 1970 – 80-х гг., наряду с задачами экономического и оборонного характера, в доктрине чучхе все больше внимания уделялось проблемам идеологического воздействия на народные массы, воспитательной и пропагандистской работе. Чучхе становится основным инструментом не только для идеологической обработки граждан, но и для мобилизации северокорейского общества на реализацию общественно-политических и хозяйственных задач. В данном контексте идеи чучхе превратились в средство проведения мобилизационной внутренней политики северокорейского руководства.

В редакции ныне действующего Основного Закона, принятой в 1998 г., какие-либо указания на преемственность теории марксизма-ленинизма и чучхе полностью отсутствуют. Более того, на протяжении 1980 – 90-х гг. Ким Чен Ир не

³ Ким Чен Ир. Чучхе саснъ тэхэсо (Об идеях чучхе). – Пхеньян: Кыллоджа, 1982. – С. 18.

раз «корректировал» ошибки некоторых философов и идеологов КНДР, по-прежнему оценивавших чучхе как продолжение теории Маркса и Ленина.

Центральное место в доктрине чучхе занимают такие идеологемы, как чаюсонъ (чаджусонъ) / «самостоятельность», минджок тонънип / «национальная независимость» и чарип кёнъджэ / «самостоятельная экономика». Каждая из них имеет практическое воплощение в жизнедеятельности северокорейского общества и государства: принцип чаюсонъ унаследовал основной постулат ранней чучхе – «опору на собственные силы», минджок тонънип освящает проведение независимого политического курса, чарип кёнъджэ нацеливает на достижение самостоятельной экономики.

Чучхе – националистично по своей сути, в нём явно прослеживаются конфуцианские нормы о роли старшего и гармонии в обществе. Адаптация доктрины чучхе в Северной Корее проходила в условиях безраздельного господства коммунистической идеологии, поэтому современное чучхе – это коммунизм с явно выраженным националистическим оттенком. Очевидно, что социалистическая доктрина присутствует в идеологии чучхе лишь как один из её элементов.

В настоящее время доктрина чучхе является не только конституционно закреплённой идейной основой северокорейского общества, но и единственно разрешённым и допущенным в стране в официальном порядке мировоззрением. С этой точки зрения современное общество КНДР является классическим примером тоталитаризма.

Отличительной чертой северокорейской идеологии остается вождизм. Его истоки следует искать в очевидном симбиозе национальной конфуцианской традиции и теории пролетарского вождя, разработанной советскими идеологами и существенно преумноженной стараниями партийно-государственного аппарата КНДР. Такое наложение способствовало формированию особой харизмы лидера партии и народа, с одной стороны, от имени Партии наделенного высочайшей ответственностью за судьбу нации, а с другой – освящённого волей нерационального характера.

Современный культ вождя заключается не только в его обожествлении, сентенциях о мудром руководстве, постоянном воспроизведении идеологемы о его центральном и вечном положении в политической системе КНДР.

В соответствие с нынешней редакцией Конституции КНДР главой северокорейского государства остается «вечный президент» Ким Ир Сен, а его практические функции исполняет председатель Государственного комитета обороны КНДР Ким Чен Ын, он же возглавляет ЦК ТПК. Административно-хозяйственное руководство республикой осуществляет Комитет КНДР по управлению администрацией и экономикой (правительство) во главе с

председателем (премьер-министром). Фигура главы правительства скорее символическая, поскольку реальной властью он не обладает. Такие же комитеты существуют в провинциях и городах. На местах вместе с партийными органами им принадлежит реальная власть, но все принципиальные вопросы решаются только с одобрения Центра.

После укрепления во власти Ким Чен Ира даже за рубежом практически прекратились рассуждения о том, что в КНДР есть мощная группировка его противников, способных оказать реальное воздействие на власть изнутри. Большинство иностранных и отечественных специалистов по Корее полагают, что максимальным влиянием пользуются, во-первых, органы госбезопасности (как основная опора Ким Чен Ира), и, во-вторых, высшие чины КНА. Персонифицировано вести речь о фигурах влияния в северокорейском руководстве очень сложно ввиду недостатка информации.

Приход Ким Чен Ира к власти в 1994 г. ознаменовался существенными идеологическими переменами в КНДР, связанными с трансформацией идеологии *чучхе*. С этого времени северокорейское общество руководствуется идеями *сонгун*, отстаивающими приоритет вооруженных сил. Во взаимодействии с органами государственной безопасности вооруженные силы в современной политической системе КНДР подменили исполнительную власть и партийные органы. Сложилась двойная система управления, позволявшая генералитету контролировать всю жизнь в стране.

Конец XX в. привнес немало нового в северокорейское общество. С крушением СССР и его европейских союзников КНДР приняла на себя роль оплота «реального» социализма, усилилась политика властей, направленная на поддержание идейной чистоты общества, экономические тяготы второй половины 1990-х гг. сделали диктат ещё более жестким.

Перемены в современном мире вынуждали северокорейские власти «совершенствовать» внутриполитический фундамент режима. Официальная линия партийно-государственного руководства КНДР и по сей день исходит из стремления сохранить стабильность режима, а это возможно только в том случае, если удастся избежать социально-политических преобразований. На этом фоне удивительной кажется трансформация классовой идеологии, основанной на признании руководящей роли пролетариата и его партии. Масштаб преобразований 1998 года позволял говорить о настоящей перестройке идеологической платформы Северной Кореи, связанной с индоктринацией идеей *сонгун*⁴. Её главная цель заключалась в преобразовании всего общества «по образцу армии». При этом под

⁴Анализ идейной доктрины *сонгун* дан по: Ким Чхору. Военноориентированная политика Ким Чен Ира. – Пхеньян: Изд-во лит. на иностранных языках, 2002.

«армией» понималась не только совокупность вооружённых сил страны, но и мощный аппарат органов безопасности и спецслужб.

Экстраполяция классового подхода перестала быть безусловной: *сонгун*, нацеленная на обеспечение «особого единения армии и народа», отстаивает особый «приоритет армии», не связанный с классовыми целями пролетариата и его партии. Государственному комитету обороны (ГКО) были приданы функции главного распорядительного органа, что возвысило его над другими государственными структурами, в том числе партией, парламентом и правительством. В духе *сонгун* в подчинении ГКО находится вся законодательная и исполнительная власть. Сам же ГКО остается органом военного характера, с преимущественным участием северокорейской армейской элиты и во главе с главнокомандующим вооружёнными силами.

Положение КНДР осложняется экономическими проблемами и международной изоляцией, кроме того, не исчезла возможность нападения на социалистическую Корею с Юга. По мнению северокорейской элиты, угроза войны неуклонно нарастает, поэтому перед обществом стоят задачи особого сплочения. Одновременно повышается ответственность КНДР за судьбу мирового социализма. В этой обстановке армия стала направляющей и руководящей силой общества.

Выдвижение армии в качестве национального и общественного авангарда определяется факторами объективного и субъективного характера.

Субъективный фактор связан с идейным переосмыслением роли вооружённых сил в жизни страны с учётом южнокорейского опыта, когда Пак Чжон Хи превратил многих военных в менеджеров экономической модернизации. Кроме того, *сонгун* изменила отношение к партийному авангарду, аппарат ТПК связали с перерожденческими явлениями, чрезмерной номенклатуризацией и бюрократизацией, вдруг «заметили» его коррупционность и даже инакомыслие. Авторитет ТПК и эффективность системы партийного руководства резко пошатнулись. Партийно-государственная инфраструктура воспринималась как тормоз для поиска оптимального выхода из кризиса второй половины 1990-х гг. Отсюда – подмена партийного аппарата военными кадрами.

Среди объективных причин - элитарное положение военных и офицерских кругов в обществе КНДР и особая роль, которую вооружённые силы всегда играли в стране. В специфических условиях выживания северокорейскому государству необходимо было постоянно направлять финансовые и материальные ресурсы на нужды армии и военно-промышленного комплекса, поэтому оборонная промышленность и наука, действительно, остаются авангардом социалистического строительства. Кадровый состав вооружённых сил КНДР интеллектуально более развит, имеет отношение к некоторым направлениям научно-технической

революции. Кроме того, военнослужащие всегда проходили через особую систему идеологического отбора, а значит, они – более надёжный и идейно прочный сегмент общества. Армия обладает богатым опытом экономической и управленческой деятельности, поскольку давно занята в промышленном и аграрном развитии страны, на строительстве самых сложных объектов народного хозяйства.

В обновлённом варианте идеология *сонгун* предстала с конца 1990-х гг., она подразумевала «**всеобщий** приоритет армии», определяя главной направляющей силой современного общества КНДР не рабочий класс, а армию. Последнее десятилетие XX в. поставило северокорейский режим на грань выживания, и в этих условиях Ким Чен Ир стремился сохранить власть за счет укрепления военной мощи, опираясь на вооруженные силы. Армия воспринималась как главный двигатель корейской революции и социалистического строительства. Она объединила народ, партию и государство, на неё были возложены задачи экономического и политического возрождения страны.

Практическое содержание *сонгун* связано со стремлением применять *военные методы руководства* во всех сферах социально-экономической и общественно-политической жизни КНДР, что, несомненно, способствовало ужесточению режима личной власти, поддержанию порядка, повышению дисциплины и в конечном итоге максимальной мобилизации не только военных, но и гражданских ресурсов страны на построение *канъгук* / «могучей и процветающей державы». Согласно тезисам официальной пропаганды, оно должно было завершиться к 2012 г. В этом ключе, помимо чисто военного аспекта, стоит воспринимать также ракетную и ядерную деятельность в КНДР, которая преподносится населению как успехи выбранного политического курса. Мы уже много раз говорили, что ракетно-ядерный потенциал воспринимается Пхеньяном как объективное условие выживания северокорейского режима в современных условиях.

А они не стоят на месте и стремительно меняются, к сожалению, не в лучшем направлении. Осознают это и в руководстве КНДР. Не будет преувеличением сказать, что весь мир, затаив дыхание, ждал решений VII съезда ТПК, а после был весьма разочарован, т.к. на нём ничего «революционного» не случилось. Увы, мы ещё не имеем возможности работать с материалами съезда, в нашем распоряжении отрывочная информация, но и она дает возможность говорить о важных событиях и тенденциях, проявившихся на съезде.

Главное – это **новое идеологическое перепутье**, в котором оказалась КНДР сегодня. Пхеньяну теперь не нужна идеология *сонгун*, по крайней мере, в её классическом содержании. Период безусловного главенства армии закончен,

свидетельство этому сам факт созыва съезда ТПК, который не нужен был ни отцу в последние 15 лет его правления, ни сыну, искавшему поддержку прежде всего, силовых структур, но вдруг понадобившийся внуку.

Мы говорили, что в первые годы правления Ким Ченына, внутрисполитическая ситуация в стране была неопределенной, наблюдалось противостояние по ряду линий: партийцы – армейцы, старики – молодёжь, прокитайцы – антикитайцы, ястребы – умеренные, и т.д. В последние пять лет мы имели немало свидетельств их борьбы за влияние внутри северокорейского общества. Полагаю, что партийный съезд закончил период внутрисполитической неопределенности и завершился победой партийцев. Остаётся узнать молодых или стариков, «ястребов» или умеренных?

На съезде редко звучал термин «чучхе», ни слова не говорилось о *сонгун*. Вместо этого использовались слова «*кимильсонъджун*», «*кимчонъильджун*». Означает ли это отказ от *сонгун*? Нет, так вопрос не ставится, по крайней мере, сейчас.

Более того, нам кажется, что сейчас отказ от оборонно-ориентированной идеологии невозможен, в условиях, когда против социалистической Кореи ополчился весь мир, *сонгун* должна оставаться средством мобилизации населения на решение тех задач, о которых мы говорили выше. Однако идеи армейского превосходства свою основную задачу выполнили, их внедрение на 20 лет дало ВС возможность исполнить свою историческую миссию: создать абсолютно достаточное (по мнению Пхеньяна) средство самозащиты – ядерное оружие.

Новая задача – убедить мир признать его существование не только де-факто, но и де-юре, а значит – согласиться с ядерным статусом КНДР. Задача архисложнейшая, требующая нового или обновленного идеологического фундамента. В Пхеньяне применили идеологему «*пхёнъджин*», впервые озвученную в самом начале 1960-х гг., но затем вскоре благополучно забытую. *Пхёнъджин* – это сочетание двух иероглифов, один из них означает «мир», другой – «прогресс». Их можно интерпретировать как «мир во имя прогресса». В 1960-е гг. *пхёнъджин* была адресована Сеулу, сегодня это обращение ко всему миру, особенно – к Вашингтону.

Часть задачи, по мнению Пхеньяна, уже выполнена на сонгунском этапе – КНДР стала ядерной «державой». Теперь пришло время заняться экономикой. Звучит достаточно убедительно, особенно для внутреннего потребителя. Главная мечта основоположника *сонгун* осуществилась, народу КНДР нечего бояться под надёжным ядерным прикрытием, пусть попробуют сунуться, защитим и отстоим, а нет, так миллионы врагов заберём с собой. И очень важно, что центральной

фигурой оборонных ядерных достижений стал Ким Чен Ын, кто теперь усомнится в его способности руководить страной?

Что касается нынешних взаимоотношений с Китаем, без которого невозможны ни экономические успехи, ни легитимация ядерных вооружений, то необходимо учитывать следующее. Руководство КНР никогда не скрывало недовольство идеями *сонгун*. Теперь Пхеньян, судя по всему, возвращается к партийному руководству, да и в центральные органы ТПК, вопреки всем прогнозам избраны старые кадры, в большинстве своём, проверенные и надёжные соратники Китая. Это серьёзнейший жест в сторону давнего союзника, вопрос только в том, воспримут ли его в Пекине должным образом?

Перейдём к обещанным сценариям, уже в увязке с американской тематикой. У нас их четыре:

- 1) **Оптимальный**, но не очень реалистичный: *сонгун* так или иначе уйдёт в небытие. Официально ли с ним попрощаются или просто выведут из политического лексикона (как это часто бывает в условиях тоталитарного режима), всё это неважно. Важнее, что на смену *сонгун* придёт новый, на этот раз «кимченыновский» вариант *чучхе*. Скорее всего, *пхёнъджин* будет его основой, во всяком случае – предтечей. А это значит – конец бряцания оружием и какие-то новые предложения мировому сообществу, в первую очередь Китаю и США; и тут где-то, как-то прорисовывается возможность договорных отношений Пхеньяна и Вашингтона. Но даже в этом сценарии, который мы назвали «оптимальным» нет шансов для отказа КНДР от своего ядерного щита. Следовательно, Пхеньян, поставив мировое сообщество перед фактом, нацелен на получение признания своего нового статуса. Возможна ли подобная договорённость? Сейчас её категорически отвергают, время покажет. Очевидно, что никаких серьёзных подвижек ни со стороны Пхеньяна, ни со стороны его оппонентов в ближайший год не будет. Все взяли «тайм-аут» до передачи власти в Вашингтоне и Сеуле в руки нового руководства.
- 2) **Пессимистичный**, однако вполне вероятный: все вышеизложенные рассуждения не имеют под собой никаких оснований. Северокорейское руководство либо не имеет намерения модернизировать идеологическую базу, либо не станет этого делать, т.к. не получит ожидаемой встречной реакции противной стороны и китайского союзника. Тогда нечего не изменится, Сеул и Пхеньян взаимно будут бряцать оружием и играть друг у друга на нервах. Американцы под этот шумок разместят на Юге

противоракетный комплекс THAAD. Межкорейские отношения продолжают деградировать. Ни к чему хорошему это не приведёт, единственная надежда – сохранение статуса-кво на Корейском полуострове. 70 лет корейская проблема существует, и мир к ней уже привык.

- 3) **Катастрофический**, или наименее желательный: не получив должной оценки своей готовности жить в вооруженном мире, Пхеньян продолжает проведение внешнеполитического курса в духе *сонгун*. Но никто с этим не хочет смириться, и начинается конфликт в его крайних, вооруженных формах. Дальше даже предполагать не хочется. Скажем лишь, что главным провокатором здесь может выступить исключительно Вашингтон. Однако, ещё рано говорить о том, какой будет политика США в отношении Корейского полуострова при новом президенте.
- 4) **Усредненный**, т.е. содержащий в себе все элементы предыдущих сценариев. На наш взгляд, именно он имеет максимальную вероятность развития в ближайшие пару лет. КНДР чередует миролюбивые (в собственном понимании) послы с демонстрацией готовности защищаться до конца, каким бы он ни был – победным или апокалиптическим. США ничего не хотят видеть и мечтают о свержении северокорейского режима, Южная Корея и Япония выступают в прочной связке с Вашингтоном, но при этом работает сдерживающий фактор, который Северная Корея регулярно демонстрирует потенциальному противнику. Конфронтация поддерживается, иногда приближается к крайней черте, но рубеж невозврата никто не переходит.

В усредненном сценарии есть ещё два актора – Китай и Россия. На них лежит серьёзная ответственность не допустить перехода от вялотекущего конфликта к «горячей» стадии. Оба государства, так или иначе, уже сейчас являются гарантами безопасности КНДР, и Пекин, и Москва заинтересованы в контролируемой, постепенной и бесконфликтной эволюции режима КНДР, эволюции, растянутой во времени, с участием северокорейской политической элиты. Понятно, что всё это возможно только в том случае, когда «горячим американским парням» не будет дана возможность решать судьбу Кореи по собственному усмотрению.

А готовы ли они заключить с КНДР мирный договор, давайте спросим у них....

Учитывая, что под главными своими задачами северокорейское руководство понимает не столько высокий уровень жизни населения, сколько поддержание военного и технологического потенциала, ставящего КНДР в один ряд с ведущими

странами мира, становится очевидно, что роль армии и ВПК в политической и экономической жизни страны сохранится, но теперь снова ими будет управлять партия. Речь идет не о концептуальном изменении идеологического курса, а о перераспределении власти.

Причем в последние годы наблюдается новая тенденция: если в 1990-х гг. армейские стратегические запасы для удовлетворения потребностей населения даже во время вспышек голода не использовались, то в 2008-2010 гг. тыловые структуры КНА проводили зерновые интервенции с целью стабилизации продовольственной ситуации в стране.

Однако косность и идеологический догматизм доктрины чучхе, концентрация всех творческих сил северокорейского общества на пропаганде и поддержании культа личности Ким Чен Ира и Ким Ир Сена, внешнеполитическая и экономическая изоляция страны не позволяют современной КНДР претендовать на значимое положение в мире. Тоталитарный характер общества, информационная самоизоляция отбросили страну на много десятилетий назад. Международное сообщество пока ещё отторгает КНДР, что наносит ей значительный ущерб.

Тем не менее, Пхеньян прилагает усилия для приспособления к новым тенденциям мирового развития, признаёт необходимость относительной либерализации хозяйственной сферы и внутривнутриполитического курса при обеспечении тотального общественно-политического контроля над населением. Ортодоксальная чучхейская идеология также совершенствуется: в качестве инновации следует рассматривать реанимацию доктрины *пхёнъджин* и готовность северокорейского режима отказаться от стратегии самоизоляции, характерной для эпохи *сонгун*.

Политика США в отношении КНДР: новые тенденции и перспективы

Виталий Евгеньевич Болдырев,
младший научный сотрудник
Лаборатории ситуационного анализа
Центра азиатско-тихоокеанских
исследований ИИАЭ ДВО РАН

В течение президентства Б. Обамы Северная Корея оставалась государством, которое как приносило Соединённым Штатам военно-политические выгоды, так и несло военно-политические угрозы. Поворотным событием, вследствие которого американский курс начал претерпевать изменения, стала смерть Ким Чен Ира в декабре 2011 г. Именно в связи с ней в своём официальном заявлении госсекретарь Х. Клинтон осторожно обозначила одну из перспектив политики США: поощрение общественно-политической либерализации северокорейского социума. Об этом свидетельствовало то, что речь главы внешнеполитического ведомства была обращена к народу КНДР, выражала беспокойство о его благополучии, а также надежду, что новый лидер страны будет уважать права человека⁵. Тогда американское руководство могло бы использовать гуманитарные программы, чтобы создать более привлекательный образ своего государства в глазах широких слоёв КНДР. Фактически речь шла о весьма незначительном, но эффективном потенциале «мягкой силы» в отношении Северной Кореи.

Однако возобладал традиционалистский взгляд на Пхеньян и его ядерную программу, которая была использована в качестве фактора внешней угрозы для укрепления военно-политических союзов США в АТР. В контексте ситуации на Корейском полуострове особое значение приобрели ежегодные военные учения американских и южнокорейских вооружённых сил. В период борьбы за власть Ким Чен Ын блестяще использовал этот фактор для укрепления своего влияния. Военная активность Соединённых Штатов и Республики Корея у границ КНДР главой страны стала трактоваться как ключевая внешняя угроза. С её помощью искусственно был создан эффект «трудных времён», чтобы сплотить нацию вокруг единственного лидера и защитника. Это, с одной стороны, позволило укрепить личную власть Ким Чен Ына и устранить его соперников, а с другой — эксплуатация тезиса об «американо-южнокорейской угрозе» превратилась в

⁵ The Passing of National Defense Commission Chairman Kim Jong Il. Press Statement by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State. December 19, 2011 // STATE.GOV: United States Department of State. URL: <http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/12/179174.htm> (дата обращения: 01.06.2016).

прочную основу существования северокорейского режима. Иными словами, Пхеньян сам заинтересован в текущем курсе Вашингтона.

Как свидетельствуют опыт последних лет и недавнее заявление Б. Обамы на саммите «Большой восьмёрки»⁶, курс на укрепление союзов на базе сдерживания «северокорейской угрозы» сохранится по крайней мере в течение ближайших семи месяцев.

В то же время прослеживается и принципиально новая тенденция в политике США в отношении КНДР. Об этом свидетельствуют генеральные лицензии, принятые в качестве дополнений к исполнительному указу 13772 от 15 марта 2016 г., которым утверждены последние санкции в отношении Северной Кореи. В частности, несмотря на принятые ограничения, разрешаются:

1. перевод финансовых и трансфер нефинансовых фондов в КНДР в некоммерческих целях;
2. поддержка гуманитарных мероприятий для обеспечения базовых жизненных нужд населения;
3. поддержка мер по построению демократии в Северной Корее, включая принципы господства права, гражданского участия и ответственного правительства, а также универсальных прав и фундаментальных свобод граждан;
4. обеспечение доступа к информации и обеспечение проектов гражданского общества;
5. поддержка культурных, образовательных и научных обменов; направление в страну необходимой литературы;
6. обеспечение взаимодействия сторон в области интеллектуальной собственности⁷.

Безусловно, все перечисленные шаги американская сторона намерена предпринять, не нарушая ключевых принципов действующих санкций, направленных на северокорейское правительство, армию, силовые структуры и Трудовую партию Кореи.

Фактически меры, предусмотренные дополнениями к исполнительному указу, свидетельствуют о том, что США проявляют интерес к демократическому развитию КНДР. Формальный анализ мер позволяет выявить основные силы и их роли в этом процессе.

⁶ ИТАР-ТАСС за 28.05.2016

⁷ General License No. 4. Noncommercial, Personal Remittances Authorized. March 24, 2016 // TREASURY.GOV: United States Department of the Treasury. URL: https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/nk_gl5.pdf (дата обращения: 06.05.2016); General License No. 5. Certain Services in Support of Nongovernmental Organizations' Activities Authorized. March 24, 2016 // TREASURY.GOV: United States Department of the Treasury. URL: https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/nk_gl5.pdf (дата обращения: 06.05.2016); General License No. 8. Certain Transactions Related to Patents, Trademarks, and Copyrights Authorized March 23, 2016 // TREASURY.GOV: United States Department of the Treasury. URL: https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/nk_gl8.pdf (дата обращения: 06.05.2016).

Во-первых, это учёные-обществоведы, прежде всего юристы, которые должны способствовать коренной трансформации правовой и судебной систем страны по евро-атлантическому образцу.

Во-вторых, это представители естественных, технических и точных наук, а также производящего сектора экономики. Планируется, что они познакомятся с американской технологией и станут её применять, а также, возможно, выйдут со своими разработками на американский рынок, что должно продемонстрировать преимущества капиталистической экономики над чучхейской. Тем самым США намерены воспитать приверженцев рыночного хозяйства.

В-третьих, это так называемая скрытая оппозиция: те, кто по каким-либо причинам недоволен существующим режимом, но открыто своё мнение не выражает. На них будет направлен основной информационный и культурный поток. Так начнётся процесс размыwania основ традиционной культуры и укоренения американской. Допускается даже возможность, что такие люди начнут выступать за пределами КНДР в качестве публицистов и привлекать на свою сторону отдельных представителей корейского народа за рубежом.

В-четвёртых, это северокорейские массы, которым посредством гуманитарных программ будет демонстрироваться американское дружелюбие. Тем самым США попытаются заинтересовать широкие слои в либеральных преобразованиях.

В целом на данном этапе Соединённые Штаты проявляют интерес к коренному реформированию судебной и правовой системы КНДР; смене хозяйственного строя, ускоряющейся по мере реализации определённых шагов; существенной трансформации культурной сферы; глубинным внутривнутриполитическим преобразованиям, связанным с принятием норм демократических государств.

Чтобы понять, насколько эти намерения реализуемы, обратимся к успешному опыту политической и экономической либерализации стран Восточной Европы. На первом этапе без внешнего содействия в них сформировалась оппозиция действующему режиму в среде интеллектуалов и в партийных кругах, выявились влиятельные общественные институты, поощрявшие критические настроения. На втором этапе самостоятельно сформировавшимся оппозиционным объединениям оказывалась политическая, материальная и техническая помощь. Даже весьма закрытой Румынии предоставлялись торговые преференции при условии, что правительство Н. Чаушеску сохранит свою особую позицию и пойдёт на некоторые уступки Соединённым Штатам в сфере внутренней политики. В некоторых странах региона (например, в Польше и Венгрии) у власти стояли реформистски настроенные лидеры, сумевшие отвести угрозу внешнего вторжения. Кроме того, социалистические государства Восточной Европы имели официальные политические отношения с Вашингтоном; наличествовала правовая

база, регулировавшая их торгово-экономические отношения; существовали соглашения о культурном обмене; и США, и восточноевропейские страны входили в ОБСЕ.

Все условия, способствовавшие либерализации восточноевропейских государств, в КНДР отсутствуют.

В связи с этим пока можно говорить только о начальном этапе указанного процесса на севере Корейского полуострова. Американская сторона будет пытаться сформировать в среде интеллигенции круг носителей нечучейских идей, возможно, найти представителей так называемой скрытой оппозиции в партийных кругах. Но ввиду упомянутого заявления Б. Обамы действующая администрация вряд ли предпримет какие-либо активные действия в этом направлении. Фактически речь идёт о перспективах политики США после президентских выборов.

В случае победы Х. Клинтон существует весьма незначительная вероятность, что описанный курс реализуется. Не стоит забывать: Х. Клинтон являлась одним из ключевых пропонентов военного решения в отношении Ливии. Поэтому снижение градуса «американской угрозы» для КНДР будет маловероятным.

Также некоторые из служебных писем бывшего госсекретаря, рассекреченные в декабре 2015 г., свидетельствуют о том, что у Х. Клинтон идеалистическое представление о демократии. Она искренне верит в возможность построения демократического будущего в стране с недемократическим (по мнению Вашингтона) правительством при опоре на любые оппозиционные силы. В частности, ею рассматривалась возможность привлечь исламистские группировки, близкие к «Братьям-мусульманам», к мирному политическому урегулированию в Ливии после свержения М. Каддафи⁸. Кроме того, бывший глава внешнеполитического ведомства выражала уверенность, что правительство М. Мурси в Египте способно построить подлинную демократию, основанную на соблюдении прав человека в их американском понимании⁹. Как показали дальнейшие события, расчёты Х. Клинтон не оправдались.

В связи с этим справедливым будет вопрос: если она станет президентом и предпримет попытку либерализовать КНДР, существует ли гарантия, что в качестве опоры изберутся нужные силы? Не повторит ли президент от Демократической партии свои прошлые ошибки, не дестабилизирует ли регион, не спровоцирует ли Пхеньян на жёсткие и трудно предсказуемые шаги?

⁸ UK Game playing, New Rebel Strategies, Egypt Moves in Syd. April 8, 2011. F-2014-20439 // FOIA.STATE.GOV: United States Department of State. URL: https://www.foia.state.gov/Search/Results.aspx?collection=Clinton_Email_December_Release (дата обращения: 04.01.2016).

⁹ Latest Q&A. 1/13/2011. F-2014-20439 // FOIA.STATE.GOV: United States Department of State. URL: http://foia.state.gov/Search/Results.aspx?collection=Clinton_Email_December_Release (дата обращения: 04.01.2016).

Наконец, существует ещё одно свидетельство того, что в случае избрания Х. Клинтон вероятность курса по трансформации Северной Кореи невелика. На протяжении последних семи лет у Х. Клинтон сложились прочные деловые отношения с министром обороны Э. Картером. Вместе с ним она занимает наиболее жёсткую позицию по отношению к событиям в мире¹⁰. После ракетных испытаний, проведённых КНДР 22 июня 2016 г., глава Пентагона чётко обозначил позицию ведомства: Соединённым Штатам необходимо развернуть различные системы ПРО, чтобы защитить Южную Корею, Японию и сами США¹¹.

Интерес представляет и информация газеты Wall Street Journal. По её данным, 51 сотрудник Государственного департамента выразил несогласие с мирным курсом в отношении Сирии и призвал действовать с помощью силы в отношении правительства Б. Асада¹². Это может свидетельствовать, что Х. Клинтон ищет для будущих администрации и правительства таких кандидатов, которые готовы разделить её «ястребиные» взгляды. Также это косвенно подтверждает отсутствие заинтересованности кандидата от Демократической партии проводить более мягкую, сдержанную политику касательно Пхеньяна.

Кроме того, бывший госсекретарь прочно связана с военно-промышленным комплексом, а значит, его интересы окажут большое влияние на внешнюю политику демократического правительства. Соответственно, нагнетание «северокорейской угрозы» будет стимулировать рост производства вооружения для поставки в Северо-Восточную Азию.

Следовательно, в этом случае успех курса по либерализации КНДР, который мог бы способствовать демократизации режима, представляется сомнительным. Кроме того, прогнозируемый курс Х. Клинтон представляет угрозу безопасности Северо-Восточной Азии, т.к. милитаризация «коллективного Запада» спровоцирует ответную реакцию на севере Корейского полуострова, которая выразится в очередных ракетно-ядерных испытаниях. Они могут сопровождаться массовыми демонстрациями в поддержку Ким Чен Ына. Иными словами, политика демократического правительства вероятнее всего ещё больше укрепит Пхеньян в мысли, что текущий курс не только не стоит менять, но и необходимо интенсифицировать.

В случае победы Д. Трампа вероятность курса на либерализацию Северной Кореи выше. Об этом свидетельствуют намерения республиканского кандидата вступить в прямой контакт с руководством КНДР и придать двусторонним отношениям более конструктивный характер. Не исключено, что кандидат от Республиканской партии в случае победы будет способен снизить градус «американской угрозы» в отношении Пхеньяна. Этот процесс может протекать в

¹⁰ ИТАР-ТАСС за 1.06.2016

¹¹ ИТАР-ТАСС за 23.06.2016

¹² ИТАР-ТАСС за 17.06.2016

двух формах: как сокращение американского военного присутствия в регионе и как дипломатическое решение существующих проблем.

Однако наиболее вероятным препятствием для либеральной политики станет не внутренняя оппозиция Д. Трампу в лице истеблишмента, депутатов Конгресса, групп интересов и др., а позиция северокорейского лидера. Если потенциальные американские политико-дипломатические шаги снизят градус угрозы для Северной Кореи, то Ким Чен Ёну станет труднее «цементировать» свою власть, спланировать вокруг себя общество. Фактически разрядка на Корейском полуострове, которую может инициировать республиканская администрация, способна подорвать основу режима КНДР. А в этом северокорейское правительство не заинтересовано, поэтому оно вряд ли согласится на диалог с США.

Вероятнее всего, в краткосрочной перспективе ситуация разовьётся по сценарию, при котором Соединённым Штатам будет выгодно в той или иной степени эксплуатировать тезис о «северокорейской угрозе», чтобы сохранить крепость альянсов. Ввиду специфических черт социального, внутривнутриполитического развития КНДР и международных условий, американские меры, направленные на её либерализацию, не будут носить системный характер, тем более они не смогут подготовить почву для эффективной трансформации политического и социально-экономического строя государства.

Как в Китае оценивают будущее отношений между США и КНДР?

Сергей Александрович Иванов,
заведующий Отделом китайских
исследований Центра азиатско-
тихоокеанских исследований
ИИАЭ ДВО РАН

В конце марта 2016 г. в китайской прессе, включая «Хуанцюван»¹³, массово стали появляться предположения о желании КНДР начать переговоры с США¹⁴. Они основывались на информации российского агентства Sputnik, в свою очередь ссылавшегося на «источник в МИД РФ»¹⁵. Очевидно, эти сообщения и стали поводом для проведения данного круглого стола.

СМИ КНР, охотно перепечатывая материал в виде дословного перевода, не давали никаких комментариев. Молчание сохранило и экспертное сообщество этой страны. Чем можно объяснить сложившуюся ситуацию? Во-первых, в мировой и, в частности, китайской прессе обнаруживается множество новостей о «тайных переговорах» США и КНДР и до 2016 г. Такая информация появлялась несколько раз в год и сопровождалась ссылками на официальные или близкие к властям «источники». Комментировать подобные квазиофициальные «источники» серьёзный эксперт или учёный вряд ли будет. Во-вторых, сама тема, безусловно, чувствительна и её муссирование с китайской стороны вызвало бы большой резонанс.

Помимо вышесказанного, стоит в целом учитывать: сама возможность успеха каких-либо переговоров США и КНДР представляется настолько низкой, что желающих спекулировать на ней среди учёных и экспертов в КНР и других странах не так много.

Во-первых, возможность успешных переговоров Пхеньяна и Вашингтона маловероятна с геополитической точки зрения. По крайней мере, для самих США современная ситуация намного выгоднее, чем мирный Корейский полуостров. Ядерная программа КНДР позволяет Соединённым Штатам сохранять доминирование над сателлитами (Японией и Республикой Корея) и как минимум

¹³ Входит в корпорацию «Жэньминь Жибао» — официальный рупор коммунистической партии Китая.

¹⁴ 俄罗斯外交人士: 朝鲜希望复朝核问题六方会谈 = Российский дипломат: КНДР надеется восстановить шестисторонние переговоры по ядерной проблеме // WORLD.HUANQIU.COM: Хуаньцюван. URL: <http://world.huanqiu.com/exclusive/2016-03/8778941.html> (дата обращения: 15.06.2016).

¹⁵ 俄罗斯外交部消息人士透露, 朝鲜希望复朝核问题六方会谈 = По сообщению источника МИД России, КНДР надеется восстановить шестисторонние переговоры // SPUTNIKNEWS.CN: Sputnik. URL: <http://sputniknews.cn/russia/20160327/1018612282.html> (дата обращения: 15.06.2016).

не снижать своё военно-политическое влияние в Северо-Восточной Азии. Сближение с Пхеньяном неизбежно ухудшит положение США в регионе.

Во-вторых, с идеологической точки зрения ни один политик в США не способен публично заявить о необходимости сближения с КНДР, даже если сейчас и идут какие-либо тайные переговоры между странами. Связано это не с образом Северной Кореи как обладателя ядерного оружия, а с идеологией — с вопросами демократии. В случае ведения каких-либо закулисных договорённостей любому президенту США придётся сначала провести массированную кампанию в СМИ, посвящённую улучшению положения дел с правами человека в КНДР, а затем заявлять об изменении подходов к северокорейскому режиму. В прессе Соединённых Штатов попыток «улучшить имидж» КНДР не наблюдается.

Есть ли причины у северокорейского режима что-то менять в отношениях с Вашингтоном? Оптимальным вариантом скорее будет продолжение политики угроз и запугиваний. Этот путь с большой долей вероятности обеспечивает пожизненное пребывание Ким Чен Ына у власти, но делает любые переговоры с США бессмысленными. Другой вариант — сближение с Соединёнными Штатами — потребует от Ким Чен Ына отказа от ядерной программы, проведения либеральных реформ и развития демократии в стране. Тогда северокорейский лидер неизбежно столкнётся с проблемой усиливающейся оппозиции. Через это проходили все социалистические режимы, пытавшиеся самостоятельно провести либеральные реформы. Главная опасность в таком движении — утрата возможности подавлять оппозицию репрессивными мерами, ведь иначе западные государства моментально повернутся к режиму спиной.

Эти доводы в различных вариантах можно встретить в комментариях китайских учёных и экспертов.

В СМИ КНР в последние годы чувствуется настороженность по отношению к КНДР. Всё чаще появляются критические замечания о политике северокорейского режима, возникает недовольство американскими действиями. В марте 2016 г. ведущее китайское общественно-политическое журнальное издание «Хуаньцю Жэнью», входящее в корпорацию «Жэньминь Жибао», опубликовало статью замглавы международного управления корпорации Дин Гана о проблемах севера Корейского полуострова. В ней можно выделить два сквозных тезиса. Во-первых, принятие в феврале 2016 г. самых суровых санкций в отношении Пхеньяна — правильная стратегия, которой необходимо придерживаться. На самом деле позицию по КНДР ужесточил именно Китай. Во-вторых, такие действия ни к чему не приведут, если конечной целью игроков будет не урегулирование проблемы, а следование своим интересам¹⁶. Дин Ган конкретно не

¹⁶ 丁刚. 别再被朝鲜“吊”着走 = Дин Ган. Не идти на поводу у Северной Кореи // PAPER.PEOPLE.COM.CN: Хуаньцю Жэнью. URL: http://paper.people.com.cn/hqgw/html/2016-03/16/content_1669636.htm (дата обращения:

называет, кто пытается играть по индивидуальным правилам, но постоянные отсылки к действиям США и КНДР указывают на то, что именно их в данном случае имеет в виду автор. Другими словами, редактор «Жэньминь Жибао» явно даёт понять: Пекин сменил свою позицию, пошёл на уступки и теперь ответный шаг по корейскому вопросу должен быть совершён со стороны Вашингтона.

В последний месяц (май—июнь 2016 г.), наоборот, заговорили о сближении КНДР с Китаем, а не о возможности переговоров с США. 31 мая 2016 г. Пекин посетил заместитель председателя Трудовой партии Северной Кореи Ри Су Ён. Многие эксперты увидели в этом неожиданном визите попытку Пхеньяна загладить вину перед Китаем. Но как только в КНР и КНДР появились первые официальные сообщения о результатах визита, оказалось, что ничего нового, по крайней мере публично, стороны не предложили. Пекин всё так же выражал надежду на мирный статус Корейского полуострова¹⁷, северокорейские СМИ заявили о непоколебимости текущего внутри- и внешнеполитического курса¹⁸. Затем уже 22—23 июня 2016 г. северокорейский представитель МИД Чо Сон Хуэй — заместитель руководителя Департамента Америки МИД КНДР — принял участие в ежегодном экспертном форуме Китайской академии международных исследований (подведомственна МИД КНР) и Университета Калифорнии по проблемам безопасности в Азии¹⁹. Чо Сон Хуэй, как и другие северокорейские дипломаты и эксперты, последний раз посещал форум в 2012 г. Говорит ли это о смягчении северокорейской позиции по вопросам безопасности в СВА? Представляется, что на это можно ответить другим риторическим вопросом: смягчил ли позицию КНДР визит Чо Сон Хуэя в 2012 г.? В качестве ответа можно рассматривать и запуск в КНДР двух баллистических ракет в период визита дипломата — 21 июня²⁰.

15.06.2016).

¹⁷ 习近平会见朝鲜劳动党代表团 = Си Цзиньпин провел встречу с делегацией Трудовой партии Кореи // POLITICS.PEOPLE.COM.CN: Жэньминьван. URL: <http://politics.people.com.cn/n1/2016/0602/c1001-28404412.html> (дата обращения: 15.06.2016).

¹⁸ Sonawane V. China-North Korea Ties: Pyongyang Official Ri Su Yong Says Kim Jong Un's Policy On Nuclear Ambitions Remains Unchanged // IBTIMES.COM: International Business Times. URL: <http://www.ibtimes.com/china-north-korea-ties-pyongyang-official-ri-su-yong-says-kim-jong-un-policy-nuclear-2377028> (дата обращения: 15.06.2016).

¹⁹ 2016年6月20日外交部发言人华春莹主持例行记者会 = Официальный представитель МИД Хуа Чуньин проводит 20 июня 2016 г. очередную пресс-конференцию // FMPRC.GOV.CN: МИД Китая. URL: http://www.fmprc.gov.cn/web/wjdt_674879/fyrbt_674889/t1373583.shtml (дата обращения: 21.06.2016).

²⁰ КНДР второй раз за сутки запустила баллистическую ракету // VESTI.RU: ВЕСТИ.RU. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2767726&tid=69693> (дата обращения: 23.06.2016).

Позиция стран ЮВА в отношении ситуации на Корейском полуострове

Анна Владимировна Симоненко,

научный сотрудник Лаборатории

ситуационного анализа ЦАТИ

ИИАЭ ДВО РАН

Все 10 стран Юго-Восточной Азии, входящие в группировку АСЕАН, в своей внешней политике твёрдо придерживаются принципов нейтрализма. И относительно обсуждаемого сегодня вопроса мирного договора США-КНДР, государства региона занимают позицию невмешательства. Они, безусловно, приветствуют любые мирные инициативы и договорённости, но считают, что межкорейские отношения это дело **исключительно** двух заинтересованных сторон.

Такой выдержанный нейтралистский подход не позволяет достаточно чётко выявить истинное отношение стран ЮВА не только к проблеме взаимоотношений КНДР с другими странами (в том числе с США), но и в принципе к самой Северной Корее и её режиму. Показательно в этой связи высказывание заместителя премьер-министра Таиланда Виссану Креангама, который, отвечая на вопросы журналистов, признал негативный имидж Северной Кореи в мировом сообществе, но заявил, что не намерен ни критиковать, ни высказывать свое мнение в отношении этой страны. И это довольно типичные заявления для официальных лиц стран АСЕАН, когда речь заходит о КНДР.

Что касается ядерной программы КНДР, то в этом вопросе государства ЮВА имеют очень чёткую и последовательную позицию. Они признают её безусловной угрозой безопасности во всём большом регионе Восточной Азии, угрозой политической и экономической стабильности в Северо-Восточной Азии, и выступают за неядерный статус Корейского полуострова.

Следует отметить, что страны АСЕАН всегда придавали проблеме ядерной безопасности особое значение. Они приложили немало усилий для признания ЮВА безъядерной зоной. В 1995 г. десять стран АСЕАН подписали «Договор о зоне, свободной от ядерного оружия в Юго-Восточной Азии». И все эти годы ревностно следят за его исполнением. Когда в 2009 г. появились сообщения

западных СМИ о том, что якобы Мьянма сотрудничает с Северной Кореей в области ядерных технологий и в течение пяти лет может создать ядерное оружие, генеральный секретарь АСЕАН выступил с решительным заявлением, в котором прозвучало, что если данная информация подтвердится, Мьянме придется покинуть ряды АСЕАН.

Однако подобных решительных заявлений в отношении действий КНДР со стороны государств ЮВА мы не слышим. И вероятно не услышим. Поскольку это противоречит их базовым внешнеполитическим принципам, среди которых запрет на вмешательство во внутренние дела другого государства, в том числе на обсуждение внутривнутриполитических проблем и вообще внутренней политики других стран.

Сегодня официальные заявления АСЕАН ограничиваются политкорректными формулировками о том, что проведение Северной Кореей испытаний ракетно-ядерного оружия «вызывают озабоченность». Вслед за которыми неизменно следуют призывы к максимальной сдержанности и снижению конфронтации. Государства ЮВА видят в шестисторонних переговорах потенциал для возможного разрешения проблемы и призывают к их возобновлению. В очередной раз такая позиция прозвучала на саммите Россия-АСЕАН в мае 2016 г.

Это что касается официальных позиций и официальных заявлений. Каковы же действия стран АСЕАН в связи с ситуацией на Корейском полуострове? В их действиях можно условно выделить два направления.

Одно из них сосредоточено на миротворческой миссии. Страны «десятки» пытаются создать условия для примирения КНДР и РК. Данная работа ведётся в рамках Регионального форума АСЕАН по безопасности (АРФ). АРФ является единственной региональной организацией, участниками которой являются и РК и КНДР. В формате АРФ государствами АСЕАН прилагаются усилия по организации встреч представителей КНДР и РК, переговоров в двустороннем формате. Однако эти усилия пока не увенчались успехом.

Другое направление действий АСЕАН в отношении КНДР связано с санкциями. Но здесь не всё так однозначно. Страны ЮВА в принципе поддерживают резолюции ООН по санкциям (в отношении КНДР). Правда, не всегда и не все страны. Но последние две резолюции были поддержаны. Однако нет никакой уверенности, что страны региона делают это по внутреннему убеждению и согласны с санкциями. Вероятно, определяющим фактором здесь является необходимость соблюдать внутриорганизационную дисциплину. Как сказал в своё время (2013 г.) по этому поводу министр иностранных дел Таиланда, поскольку страна является членом ООН, то обязана соблюдать устав.

Вообще же государства ЮВА всегда были против любых санкций. АСЕАН является сторонником так называемых «инклюзивных» вариантов региональной безопасности, когда никто из участников региональных политических процессов не выталкивается из системы. И сегодня, несмотря на активизацию ядерной программы в КНДР, страны ЮВА не сворачивают отношения с Северной Кореей, а даже есть некоторые признаки того, что наоборот, стараются наладить контакт. Например, Индонезия в последнее время предпринимает действия по налаживанию отношений. Таиланд говорит о намерении укреплять экономическое сотрудничество и продолжать политический диалог.

Это такой «метод АСЕАН»: выход из любой самой сложной и конфликтной ситуации необходимо искать в переговорном процессе. Исходя из этого, можно предположить, что как бы ни развивались дальше события вокруг КНДР, среди государств ЮВА эта страна не станет изгоем.

Хотя АСЕАН очень неоднородное сообщество. Внутри него есть страны, которые наиболее подвержены влиянию США, например Филиппины, Сингапур. Их позиция более жёсткая. Так, например, Филиппины стали первой страной, которая применила новые санкции, введенные ООН против Пхеньяна²¹. 2 марта 2016 г. была принята резолюция, а уже 6 марта появилась информация, что филиппинские власти конфисковали грузовое судно под флагом КНДР. Для его осмотра прибывает комиссия ООН, а команда судна будет депортирована из страны.

Правда, пока это единственный такой случай. По крайней мере, среди стран Юго-Восточной Азии никто больше подобным образом не проявился. Что лишний раз доказывает: государства ЮВА не настроены в отношении КНДР на конфронтацию, и видят решение проблем не в оказании давления на страну, а в переговорах с ней.

²¹ В частности, санкции предусматривают проверять любые суда, следующие как в Северную Корею, так и из нее. В случае обнаружения незаконных грузов они должны быть задержаны и направлены в ближайший порт.

Дискуссия

Ларин В.Л. После выступлений у меня сложилось впечатление, что американская сторона пойдёт на заключение мирного договора с Северной Кореей тогда, когда появится угроза исчезновения этого государства. До этой поры они будут продолжать нынешний курс, вести свою игру. Но возникает ощущение, что в случае реальной угрозы внутреннего коллапса Северной Кореи, США поспособствуют сохранению режима.

Песцов С.К. (зав. Отделом международных отношений и проблем безопасности ЦАТИ ИИАЭ, д. полит. н., профессор). Правильной ли будет интерпретация: смена идеологии *чучхе* на *сонгун* или какую-либо другую является сменой инструментов внутреннего управления с убеждения на подавление и наоборот?

Толстокулаков И.А. Внутренние процессы в КНДР не означают смены *чучхе* на *сонгун* или другую идеологию. Как бы мы ни называли новые идеологические формулы, они по своей сути остаются *чучхе*. *Сонгун* направлена на внутреннего потребителя. Её цель — мобилизовать население на защиту социалистического Отечества. Её внешнее содержание можно выразить фразой «не вмешивайтесь в наши внутренние дела». А сейчас просматривается иной аспект: озвучиваются идеологические концепты, ориентированные на внешнего потребителя. *Сонгун* остаётся для народа средством его мобилизации для решения внутренних проблем. Но параллельно выстраивается *пхёнчжин*, призыв к мирному сосуществованию.

Песцов С.К. Но *пхёнчжин* никак не сказывается на инструментах внутреннего управления?

Толстокулаков И.А. Никак.

Песцов С.К. А что в Северной Корее понимается под мирным сосуществованием?

Толстокулаков И.А. Это наиболее близкий по смыслу эквивалент северокорейского термина.

Песцов С.К. А какова содержательная сторона? КНДР сохраняет ядерное оружие, надеется, что следующим шагом будут уступки со стороны других государств, отменяются санкции...

Толстокулаков И.А. Да, потом они меняют линию поведения на Корейском полуострове, и начинается сотрудничество, в первую очередь — между двумя корейскими государствами. В эту концепцию укладывается возможность заключения соглашения с США. При этом необходимо помнить, что до овладения ядерным оружием главным условием КНДР перед мировым сообществом, прежде всего перед Соединёнными Штатами, были гарантии безопасности, основанные на установлении дипломатических отношений, и подписание американо-северокорейского мирного договора. Теперь же это условие отодвигается на второй план, т.к. их главная задача сейчас — добиться от мира признания ядерного статуса Северной Кореи.

Ларин В.Л. Т.е. логика Пхеньяна такова: мы сами себя защитим, давайте мирно сосуществовать.

Толстокулаков И.А. Да.

Иванов С.А. Новые тенденции в идеологии, которой придерживается Ким Чен Ын, связаны с реальным желанием что-то изменить в стране или с простой психологической необходимостью что-либо менять, потому что во главе страны встал новый человек?

Толстокулаков И.А. Это, скорее всего, некий посыл к новому. Сейчас КНДР стоит на идеологическом перепутье. Со временем, возможно, этот посыл трансформируется в кимченинизм по типу кимирсенизма и кимчениризма. Но пока об этом речь не идёт, т.к. всё новое в идеологии появляется в рамках *сонгун*. Меняется только сфера потребления: *сонгун* внутри страны, а внешнему миру предлагается новый вариант. Разумеется, Ким Чен Ыну хочется стать классиком, теоретиком, но пока он таковым не является. А что касается внутренних перемен, это уже не желание, а необходимость. Например, в экономике Пхеньян готов что-то менять, поскольку существует пример Китая. Но в сфере общественного устройства, политического режима, идеологии внутреннего потребления изменения сомнительны: новый лидер к этому не готов. Да, VII съезд ТПК стал шагом к восстановлению роли партии. В то же время не совсем понятно, почему отвергается идея взаимодействия США и КНДР. Вспомним пример Ливии, лидер которой, М. Каддафи, поначалу воспринимался на Западе «пугалом», а потом стал его хорошим другом. Правда, известно, к чему эта дружба привела. В связи с этим поиск различных вариантов урегулирования отношений США с КНДР, в т.ч. и закулисных, вполне уместен.

У меня вопрос к С.А. Иванову. В среде корееведов существует миф, что Си Цзиньпин относится негативно к личности Ким Чен Ына. Так ли это на самом деле? Как этот фактор сказывается на китайской политике? И вопрос к В.Е. Болдыреву. Согласен, что Д. Трамп, может быть, более подходящая для данного вопроса кандидатура, чем Х. Клинтон, но нет ли в северокорейском векторе американской политики мысли нанести России ещё один укол, менее эмоциональный, но не менее болезненный?

Иванов С.А. По-моему, произнесённый Вами тезис — это чьи-то выдумки. Может быть, неприязнь и имеет место, но знать о подобных взглядах лидеров невозможно. Вероятно, такие слухи появляются на волне того, что Китай ведёт себя по отношению к КНДР весьма отстранённо и это необходимо как-то объяснить. Обывателю так легче понимать поведение китайской стороны. На самом деле политика КНР в отношении Северной Кореи намного сложнее. Названный Вами фактор не оказывает значимого влияния на проводимый курс.

Болдырев В.Е. Если сравнивать случай с Западом и северокорейский кейс, то в последнем нанести укол России представляется проблематичным, т.к. нельзя сказать, на какие силы для этого способны опереться США внутри КНДР, чтобы трансформировать политику её руководства. Может быть, только в рамках экономических отношений на некоммерческой основе, что обозначено в упомянутых генеральных лицензиях. А если брать политическую плоскость, то, как в случае с Украиной, какие-либо перспективы отсутствуют. Более того, образ США используется северокорейской пропагандой в качестве пугала. Теоретически такая возможность допустима, но всё зависит от итогов президентских выборов. Говорить о будущей позиции Д. Трампа весьма затруднительно, поскольку происходят перестановки в его предвыборном штабе, а Х. Клинтон и её ближайшему политическому окружению выгодно сохранить статус-кво на Корейском полуострове.

Толстокулаков И.А. Вопрос к В.Ю. Мишину. Нужен ли России договор КНДР с США? Может ли быть от него какая-либо польза для РФ?

Мишин В.Ю. Возможно, в чём-то он и окажется полезным... Виктор Лаврентьевич, прозвучало мнение, что в случае коллапса, США придут на помощь режиму.

Ларин В.Л. Они сделают всё, чтобы сохранить режим.

Мишин В.Ю. Когда возникнет угроза коллапса, США придут на помощь стране, но не режиму. Они будут искать другие силы, чтобы на них опереться.

Толстокулаков И.А. И в этом случае появится возможность нанести укол России.

Мишин В.Ю. Ведёт ли себя Китай в отношении КНДР отстранённо? Всё-таки это можно ставить под вопрос. Если бы действительно наличествовала такая отстранённость, то возник бы вакуум и нашлись бы силы, которые поспешили заполнить его. Нет, позиция КНР принципиальна: Пекин даёт понять Пхеньяну, кто из них главнее. Сам этот возможный договор не устроит ни Китай, ни Россию. Сейчас США важнее всего отстранить Китай от интеграционных и иных процессов в АТР. В связи с этим нельзя исключать возможности тесного взаимодействия новой американской администрации с действующим северокорейским режимом, который впоследствии может быть заменён. Внутренняя оппозиция, подходящая для этого, в КНДР присутствует, несмотря на занавес. За пределами страны живут вполне влиятельные северокорейские дефекторы, на которых рассчитывают в Соединённых Штатах. Об этом свидетельствует и Генеральная лицензия №5 к Исполнительному указу 13772. Санкции остаются санкциями, но Федеральное казначейство активно использует свою «мягкую силу».

Ларин В.Л. А силовые ведомства, ЦРУ, министерство обороны с этим согласны?

Мишин В.Ю. В период президентства Б. Обамы силовые структуры стали работать нескоординировано. Более того, налицо борьба федеральных министерств и ведомств за реализацию именно их конкретной стратегии в ущерб другим предложениям.

Сапрыкин В.Г. Допустим, КНДР и США заключают мирный договор. Сначала Вашингтон распахнёт объятия, а потом произведёт попытку сменить режим. Это может занять небольшой срок.

Толстокулаков И.А. Гипотетически это возможно.

Мишин В.Ю. Это дело перспективы, но не забывайте, что ни одна администрация не будет иметь дела с действующим режимом.

Толстокулаков И.А. Допустима длительная эволюция режима при участии Пекина и Москвы.

Переславцев Н.И. (эксперт-кореевед МГУ им. Г.И. Невельского) Игорь Анатольевич, Вы упомянули, что на смену *сонгун* постепенно идёт *пхёнчжин*. Что КНДР хочет получить от мирного сосуществования?

Толстокулаков И.А. В первую очередь — добиться снятия санкций, признания ядерного статуса, развить торговлю, получить помощь. Одним словом, получить то, чего Северная Корея лишилась на рубеже 1980—90-х гг. Фактически требования в контексте *пхёнчжин* сводятся к следующему: мир создаёт Пхеньяну благоприятное окружение, а тот проводит неугрожающую политику. Мир ради прогресса.

Песцов С.К. Но строить ракеты продолжают.

Толстокулаков И.А. Это даже не подлежит обсуждению. По-моему, это весьма прагматичная постановка вопроса.

Болдырев В.Е. Вернёмся к дискуссии по поводу режима. Единственное, что сейчас может сделать американская сторона, — это поставить цель несколько изменить поведение северокорейского государства, чтобы проводилась более либеральная внутренняя политика, наподобие курса Н.С. Хрущёва, который стал одним из условий формирования диссидентства и внутренней оппозиции в Советском Союзе. Это может позволить стране эволюционировать в нужном для США направлении. Учитывая успешный опыт американской политики по трансформации режимов, более реалистичной цели на данном этапе проследить невозможно. Она и так звучит весьма оптимистично. Самыми вероятными представляются отдельные попытки по трансформации строя, но вряд ли они будут носить системный характер и приведут к результату, которого желает США.

Русецкий Е.А. (руководитель Росреестра в Приморском крае) Вернусь к вопросу об уколе. Судя по всему, имелся в виду более широкий контекст.

Толстокулаков И.А. Да.

Русецкий Е.А. Оставим за скобками внутривнутриполитические тенденции и обратимся к внешней политике. Здесь Россию могут поймать на следующем. Страна находится под санкционным давлением. Открыто правительство не признаёт, что оно хотело бы снятия санкций, но по негласным каналам поступают сигналы, что Москва хотела бы их отмены. Здесь же, на периферии, скрыта опасность с политическими санкциями. На РФ могут надавить, мол, поддерживали санкции в отношении КНДР, так давайте «дожмём» режим. Могут заставить РФ ввести запрет на импорт северокорейской рабочей силы, как это произошло с рядом африканских и ближневосточных государств. Ряд стран Африки отказались взаимодействовать с Северной Кореей. Участники круглого стола рассмотрели позиции основных игроков, но упустили, что КНДР, как неприсоединившаяся страна, конвертировала политические связи с другими государствами движения из

третьего мира в серьёзные экономические контакты, которые сохраняются и по сей день. Но наступила очередь выборочного санкционного воздействия. США через РК добиваются, причём в ряде случаев успешно, чтобы свернуть эти связи с КНДР. Последняя теряет канал поступления валютных средств. Ведь в какой-то момент и Россию могут поставить перед таким выбором.

Иванов С.А. По-моему, у нас однобокий взгляд на проблему. За последние три месяца мною были найдены лишь единичные китайские комментарии по Северной Корее. Сейчас для КНР проблема Южно-Китайского моря (ЮКМ) является более важной, чем северо-корейская. С точки зрения Пекина, ситуация в районе ЮКМ более непредсказуема.

Песцов С.К. Могут ли США свободно менять режимы, как перчатки и танки? На самом деле это не так. Возьмём ту же Ливию. Она всегда была «кипящей кастрюлей», только в период правления М. Каддафи нам этого не было видно. Слабость режима в своё время заставила ливийского лидера пойти на взаимодействие с Западом. Правда, что это принесло для самого М. Каддафи и созданной им системы? Или, скажем, Венесуэла. Разве можно было говорить, что США могут что-либо сделать с этой страной, когда правительством руководил У. Чавес? Он мог бросать Вашингтону экономические, идеологические и иные вызовы, не боясь за крепость режима. Прошло несколько лет. Посмотрите, какие возможности возникли у Соединённых Штатов после смерти лидера. И возникли они не от их желания, а от степени прочности режима. Все остальные причины вторичны. Нужно выявить, есть ли в КНДР условия, необходимые для использования этого инструмента. Сам же договор невозможен по ряду причин. Наиболее важная из них — моральный фактор. На протяжении долгих лет обе стороны культивировали определённый образ друг друга в мире. Для того чтобы сменить стиль поведения, потребуется время.

Ларин В.Л. И очень серьёзный повод.

Песцов С.К. А пока ни одна сторона на компромисс не настроена. К тому же договор с КНДР — риск для Соединённых Штатов, т.к. Пхеньян не раз демонстрировал пренебрежительное отношение к исполнению обязательств. Он мог легко выйти из соглашения, ссылаясь на какую-либо угрозу. О чём может быть договор? Статус-кво невозможно зафиксировать, т.к. сохраняются взаимные претензии и ни одна из сторон не намерена идти на уступки. Но самая главная причина невозможности изменения ситуации заключается в том, что Северо-Восточная Азия (СВА) — двойная периферия. Скажем так, это «задний двор» для всех государств, которые здесь присутствуют. И ни одна страна не заинтересована в изменении статус-кво в регионе. Согласен с мнением, что для многих игроков

сложившаяся ситуация выгодна. Никто не будет предпринимать никаких шагов, чтобы её преобразовать. Ведь трансформации могут повлечь непредсказуемые последствия. Да, все взвешивают «за» и «против», но время играет не на пользу северокорейскому режиму. Сегодня никого не нужно убеждать, что с точки зрения привлекательности, экономической эффективности, научных достижений, военной силы он не может быть конкурентом для других стран и политических систем. В предыдущих обсуждениях проблем КНДР внутренняя ситуация была образно охарактеризована мною как борьба жадности и страха, при том что жадность победит, хотя этот процесс будет затяжным.

Толстокулаков И.А. Не совсем согласен, что Китаю сейчас не столь интересен северокорейский вектор политики. После прекращения шестисторонних переговоров многие процессы ушли в закулисы. Полагаю, что Пекин никогда не откажется от активных действий в отношении КНДР, но они будут носить более скрытый характер, чем это было до сих пор.

Иванов С.А. Вовсе не имелось в виду, что Китай куда-то ушёл. Просто сейчас в ходе общения с китайскими исследователями чувствуется, что они не знают, что происходит в КНДР. Наоборот, они пытаются получить эту информацию от нас. В КНР ощущается недостаток информации о Северной Корее. А то, что ЮКМ сейчас более важная для Пекина проблема, это факт. Это можно оценить по брифингам МИД Китая, по количеству упоминаний этих двух вопросов. Здесь мы имеем дело с видимой стороной, которая поддаётся анализу. Если что-то не получается проанализировать, то не может быть и предметного разговора.

Ларин В.Л. В политике всегда одни проблемы выходят на первый план, другие уходят на второй, потом происходит обратный процесс. Актуальность ЮКМ обусловлена тем, что этот регион является основной зоной геополитического конфликта США и КНР. А на Корейском полуострове интересы США и Китая в значительной степени совпадают. Эти две страны сталкиваются, но не на Корейском полуострове: там им делить нечего. Ни Китай, ни Соединённые Штаты, ни Россия не заинтересованы в кардинальных изменениях в СВА. В противном случае развалится баланс сил, что приведёт к серьёзнейшим проблемам для каждой из стран. Прозвучало мнение, что регион является «задним двором». Но на этом дворе лежат очень ценные вещи.

Русецкий Е.А. Здесь не просто существует статус-кво. Несмотря ни на что, ни одна страна не может согласиться с ядерным статусом КНДР. Этот политический вопрос имеет не региональное, а глобальное измерение. США впервые добились консенсуса по этому вопросу, который привёл к ужесточению санкций. Они серьёзно сказываются даже на приграничном сотрудничестве. Ни

Китай, ни Россия дополнительных ограничений не вводили, но национальный бизнес этих стран уже отреагировал, т.к. он не хочет иметь проблем с Америкой. Если в сложившейся ситуации сохранить контакты на прежнем уровне, международные финансовые организации могут прислать запрос, чтобы получить разъяснение, какого рода сделка была совершена с Северной Кореей, попадает ли она под санкции ООН? Все соответствующие поставки оказались резко ограниченными. Единственный канал взаимодействия возможен через мелкие компании, которые будут существовать не более трёх месяцев. Например, в Раджине китайское присутствие остаётся, но многие компании, главным образом из Хуньчуня, формально перерегистрировали свои активы на бизнес третьих стран. От достигнутого здесь США ни при каких условиях не откажутся. Стратегия Вашингтона в этом вопросе долгосрочная, а текущие заявления Д. Трампа и Х. Клинтон — это предвыборная риторика. Возможно, даже в случае победы республиканского кандидата сохранится политика санкций в отношении КНДР.

Песцов С.К. Можно обратиться к конкуренции США и КНР. Она присутствует и, вероятно, будет усиливаться. Но в силу разных причин этот процесс будет протекать в конвенциональных формах. В китайских исследованиях, посвящённых внешнеполитическим концепциям КНР и роли «мягкой силы» в политике, указывается, что Пекин стремится играть по правилам, по которым действует большая часть мира. Соответственно, и конкуренция будет развиваться по тем же законам, и ни ситуация в ЮКМ, ни проблема КНДР не будут использоваться сторонами, чтобы нанести ущерб друг другу.

Ларин В.Л. Какой ущерб? Ведь он бывает разный: экономический...

Песцов С.К. Нанести экономический ущерб друг другу с помощью КНДР или из-за спора в ЮКМ нецелесообразно, т.к. Вашингтон и Пекин очень тесно связаны между собой экономическими отношениями, жизненно важным их сектором. Да, они будут конкурировать и соперничать, но ни одно из государств не заинтересовано в том, чтобы нанести сокрушительный удар своему оппоненту.

Переславцев Н.И. Коллеги, Россия присоединилась к санкциям в отношении КНДР и несёт от них прямой экономический ущерб. Насколько России выгодно вести дело к возникновению потенциального источника дестабилизации у своих границ? Ведь речь идёт об изменении характера северокорейского режима, это хорошо понимают в Пхеньяне и объясняют населению, что санкции направлены на изменение политического и экономического строя. Эти аргументы находят отклик среди большинства северокорейских граждан. Рассчитывать на внутренние изменения не приходится. Может быть, нужно искать другие пути, которые более соответствуют интересам России. Может быть, отменить ту часть санкций, которая будет способствовать финансовым накоплениям КНДР,

допустить её к международным валютным инструментам. В противном случае возникают серые схемы, которые по мере действия ограничений будут усиливаться и приобретать всё большую роль.

Ларин В.Л. Россия не может не присоединиться к этим санкциям, потому что создание Северной Кореей ядерного оружия противоречит ДНЯО. Стоит дилемма: признать ядерный статус КНДР, отменить санкции и дальше развивать отношения или сохранить санкции, остаться на позиции мирового сообщества? Отказ России от санкций в отношении Пхеньяна может обернуться цепной реакцией нарушения режима нераспространения, одним из гарантов которого является РФ. Кому-то смена режима может казаться полезным средством, но к чему это приведёт? Ведь неизвестно, будет ли новая власть лучше нынешней? Выгоды от подобных действий не видно.

Переславцев Н.И. К тому же процедура СБ ООН является наиболее действенной для решения споров. Неисполнение его резолюций ведёт к подрыву механизма международных проблем. В целом, как видится, проблема связана не только с ядерным оружием. Ситуация для всех тупиковая.

Ларин В.Л. Настала пора подводить итоги нашего обсуждения.

Мишин В.Ю. Видится три выхода из этого тупика. Необходимо выработать механизм позитивного влияния на Ким Чен Ына. Другие варианты, силовой и санкционный, представляются бесперспективными: ущерб будет нанесён всем странам в регионе. Может быть, стоит вступить в прямой контакт с северокорейским лидером. Его самого и его ближайшее окружение необходимо вовлекать в переговорный процесс. Только таким образом на каком-либо этапе в будущем удастся решить вопрос. Любое включение КНДР в международные процессы будет нести нам выгоды.

Толстокулаков И.А. Итог будет пессимистичным. Апеллировать к прошлому, комфортному для России международному порядку уже поздно. Далеко не все сейчас живут по резолюциям Совета Безопасности ООН, поэтому Российская Федерация должна действовать в своих интересах, даже если они противоречат международному праву. Если одни поступают так, почему так не могут поступить другие? Последняя резолюция СБ ООН по КНДР стала результатом сговора Пекина и Вашингтона, а Москву поставили перед фактом. В такой ситуации Россия не могла не голосовать против. Сейчас мы сокрушаемся, что эти санкции наносят ущерб нашим интересам. Но где были ответственные лица в тот момент, когда эти санкции оговаривались?

Ларин В.Л. По китайским интересам санкции ударили ещё больше.

Переславцев Н.И. По имеющимся данным, информация в МИД РФ поступила накануне выходных, и чиновники соответствующим образом на неё не прореагировали.

Болдырев В.Е. Если в качестве итога предложить какой-либо выход из создавшегося тупика, то таковым может быть некая экономическая активность, которой должны предшествовать переговоры с участием Северной Кореи, а их результаты не противоречили бы интересам других стран региона. Имеется в виду экономическое взаимодействие РФ, КНР, США и других государств с КНДР, но на таких условиях, которые устроили бы всех участников. И такому сотрудничеству обязательно должны предшествовать соответствующие переговоры.

Переславцев Н.И. Но ведь придётся отменять санкции и Резолюцию 2270 СБ ООН.

Болдырев В.Е. Поскольку санкции направлены против определённых сил и лиц КНДР, их можно обойти, если по итогам переговоров все механизмы будут должным образом зафиксированы.

Иванов С.А. Коллеги, вы исходите из посыла, что надо что-то менять, а, по моему, всё хорошо. Ведь, по сути дела, проблемы нет.

Мишин В.Ю. Наличие тупиковой ситуации уже нехороший сигнал.

Русецкий Е.А. В перспективе мы можем столкнуться с необходимостью решать вопрос о привлечении трудовой силы. Рынки для северокорейского экспорта резко сузились. Можем ли мы принять рабочих из КНДР? Страна готова направить на российский Дальний Восток большое количество своих работников. Это касается Приморского края, рыбообрабатывающих предприятий на Курилах. Пока этот и ряд других экономических каналов взаимодействия не попадает под санкции, но некоторые бизнес-проекты с участием КНДР сворачиваются из-за опасений, что они окажутся под возможными будущими ограничениями.

Переславцев Н.И. К слову, южнокорейская сторона заинтересована в привлечении рабочих из КНДР на объекты, реализуемые в рамках ТОРов и свободного порта.

Ларин В.Л. Когда формулировалась тема круглого стола, предполагалось выяснить, возможен ли *сговор* между США и Северной Кореей за спиной России, Китая и всего мирового сообщества? Если потребуется, Соединённые Штаты будут работать с любым режимом. Вспомните американское высказывание об А. Сомосе. Главный результат сегодняшнего обсуждения заключается в том, что в ближайшей перспективе таких договорённостей не будет. Имеются в виду какие-либо соглашения о преференциях с американской стороны в обмен на отказ Северной Кореи от ядерных испытаний. Шестисторонние переговоры нами даже не

подразумевались, т.к. возобновить их в нынешних условиях невозможно. Ким Чен Ын от ядерного оружия не откажется, в противном случае США будут вынуждены пойти на колоссальные уступки. Эта проблема усугубляется и взаимным недоверием. По крайней мере, никаких соглашений при действующих правительствах Республики Корея и Соединённых Штатов не предвидится, т.к. в обеих странах грядут президентские выборы. В последней вероятен приход к власти демократов, которые придерживаются иных взглядов на взаимодействие с Северной Кореей, нежели консерваторы. Фактически в следующем году изменится конфигурация отношений. У США, независимо от того, чей кандидат победит, будут другие внешнеполитические приоритеты. Нельзя исключать и тайной дипломатии Пхеньяна и Пекина, т.к. между правительствами на протяжении десятилетий налажены и функционируют негласные каналы взаимодействия. В КНР присутствует и влиятельная корейская диаспора. В отношении России замечания высказывались достаточно жёсткие, но для нашей дипломатии это направление не главное. Этим объясняется её реактивное поведение. В то же время проводится курс поворота на Восток, спикер Государственной Думы С.Е. Нарышкин выразил идею «Большой Евразии от Лиссабона до Владивостока». Такую реакцию на события на Корейском полуострове можно объяснить только тем, что для России, Китая и даже Японии север Корейского полуострова находится на периферии их внешней политики.

Таким образом, любое соглашение США и КНДР в современных условиях представляется иллюзорным. А обстановка на Корейском полуострове по-прежнему представляет угрозу для юга российского Дальнего Востока, России в целом и для других соседних стран.